

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мастерство, которому не учат

- 1 -

Как мы устанавливаем контакт с сознанием другого человека? Таким образом Другой* откликнется на наш посыл?

Иногда мы кричим, экспрессивно жестикулируем, используем мимику или другие телесные сигналы, но в большинстве случаев проще пользоваться языком: писать или говорить, с одной стороны, и читать или слушать — с другой.

Эти четыре способа применения языка делятся на две параллельные пары: письмо объединяется с чтением, а говорение — со слушанием. Компоненты каждой пары дополняют друг друга. Письменная речь не достигнет адресата, если ее не прочитать, равно как бессмысленно кричать в воздух, когда некому слушать.

Не секрет, что некоторые люди способны писать лучше других. Они делают это мастерски благодаря врожденным способностям или практике, а скорее, тому и другому. Но даже самый хороший текст бесполезен, когда попадает в руки неумелому читателю. Все мы понимаем: читать нужно учиться, и признаём, что некоторые умеют читать лучше остальных.

По всей видимости, то же самое верно для говорения и слушания. Отдельные люди от природы наделены способностями хорошо говорить, но для раскрытия таланта им все равно необходимо учиться.

* В соответствии с философской традицией, идущей от трудов Ж.-Ж. Руссо, под «Другим» подразумевается обобщенный образ собеседника, оппонента, партнера. *Примеч. ред.*

Аналогично умение слушать может быть врожденным или появиться в результате обучения.

В процессе взаимодействия одного человеческого сознания с другим выделяют четыре разных вида деятельности. Чтобы сделать общение эффективным, необходимо владеть всеми четырьмя. Каким из них вас учили в школе? Каким учат ваших детей?

Вероятно, навскидку вы ответите, что учились читать и писать и ваши дети учатся тому же. И, возможно, добавите, что не считаете полученные уроки достаточными, но по крайней мере они помогли вам освоить чтение и письмо на элементарном уровне.

Однако на этом уровне развитие письменной речи не заканчивается; оно продолжается в старшей школе и даже на первых курсах университета. При этом обучение чтению редко выходит за рамки элементарного. Разумеется, такой подход неверен, поскольку простейших навыков чтения недостаточно для восприятия самых ценных и достойных внимания книг. Именно поэтому сорок лет назад я написал руководство по развитию мастерства чтения, выходящего за рамки элементарного уровня, — «Как читать книги»*. Мастерства, которому не уделяют внимания в подавляющем большинстве школ и колледжей.

А как обстоят дела с говорением? Сомневаюсь, что хоть одного из нас в придачу к урокам чтения и письма в младшей школе учили еще и говорить. За исключением специальных курсов по так называемой публичной речи или занятий по коррекции дефектов речи в некоторых старших школах и колледжах, ни на одном этапе образования у нас не преподают искусство говорить как таковое.

Или слушание. Разве где-нибудь обучают слушать? Просто поразительно, насколько распространен стереотип, будто способность слушать дается с рождения и не нуждается в развитии. Не менее странно, что во всем образовательном процессе никто не учит правильно слушать — хотя бы на уровне, достаточном, чтобы «замкнуть цепь» и сделать эффективной речь как средство коммуникации.

Еще более поразительно, что оба навыка, которым нигде не учат, — говорение и слушание — гораздо труднее приобрести и преподавать,

* М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. — 344 с.

чем параллельные навыки письма и чтения. Полагаю, я могу сказать почему.

Люди часто сетуют, что выпускники школ и колледжей не умеют как следует читать и выражать мысли на письме. При этом мало кто жалуется на неразвитые навыки говорения и слушания. Действительно, уровень письма и чтения у тех, кто провел двенадцать лет в школе*, остается низким; но говорить, а тем более, слушать они умеют еще хуже.

- 2 -

За сотни лет до Гутенберга и его печатного станка умение говорить и слушать играло в образовании гораздо более важную роль, чем письмо и чтение. Иначе и не могло быть, ведь печатные книги отсутствовали, а рукописные были доступны лишь единицам. Всем, кто так или иначе получал образование — у частного педагога, в античных академиях или средневековых университетах, — приходилось получать знания, слушая наставников.

Учителя в средневековых университетах были лекторами, но само слово «лекция» в те времена имело несколько иной смысл. Только педагоги владели манускриптом, содержащим знания и пояснения, которые надлежало передать ученикам. Согласно этимологии слова, «лекция» — это чтение текста вслух и комментарии по ходу. Любые знания ученики приобретали, слушая, и чем лучше они умели слушать, тем успешнее учились.

В великих средневековых университетах Оксфорда и Кембриджа, Парижа, Падуи и Кельна базовое образование предполагало подготовку в области, которую в античном мире называли «свободными искусствами»**. Сюда относились различные навыки обращения с языком, а также с математическими символами и действиями.

Платон и Аристотель, а вслед за ними и основатели средневековых университетов считали: научиться использовать язык для чтения

* Школьное образование в США продолжается 12 лет. *Примеч. ред.*

** «Свободными искусствами» (*«artes liberales»*) в античном и средневековом мире называли грамматику, риторику, диалектику (их изучали в начальный период) и арифметику, геометрию, музыку, астрономию (высший этап). Без них, как считалось, невозможно постичь философию, считавшуюся высшей из наук. *Примеч. ред.*

и письма, говорения и слушания позволяют грамматика, риторика и логика. К искусствам, овладев которыми, можно было выполнять измерения и расчеты, относились арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

Средневековые студенты должны были освоить семь свободных искусств, чтобы стать бакалаврами. Слово «бакалавр» не означает, что они были холостяками, не посвященными в таинство брака*. Бакалаврами называли тех, кто приобщился к миру науки и при желании может продолжать образование на более высоком уровне: на факультете юриспруденции, медицины или теологии.

Степень бакалавра являлась своего рода свидетельством инициации, пропуском в мир высшего образования. Бакалавры не считались учеными; так называли тех, кто *научился учиться*, овладев соответствующими навыками — использованием языка и других символов.

В наши дни большинство людей, употребляющих выражение «свободные искусства» (точнее, его современную форму — «гуманитарные науки») или говорящих о гуманитарном образовании, не имеют ни малейшего представления о том, чем некогда были свободные искусства и какую роль они играли в античном и средневековом образовании на уровне, который мы сегодня называем начальным.

Отчасти причина в том, что с течением времени свободные искусства почти исчезли из программы образования.

Если взглянуть на расписание учебных заведений Америки в XVIII веке, можно обнаружить там занятия по грамматике, риторике и логике, которые по-прежнему воспринимались как дисциплины, связанные с овладением языком — умением писать и говорить, читать и даже слушать.

Но уже к концу XIX века грамматика сохранилась в базовой программе, а риторика и логика были исключены. А в XX столетии и обучение грамматике, за редким исключением, постепенно сошло на нет.

На смену свободным искусствам как признанным составляющим базового образования пришли уроки родного языка. В США

* В английском языке слово *bachelor* имеет два значения: «бакалавр» и «холостяк». *Примеч. пер.*

элементарным навыкам чтения и несколько более трудным навыкам письменной речи учат преподаватели английского. К сожалению, они обычно отдают предпочтение «сочинениям», «творческим работам» (англ. creative writing), а не письменной речи, которая служит для передачи мыслей, идей, знаний и понимания. Некоторые студенты учатся ораторскому искусству, но программа по риторике и близко не предполагает овладения навыками, необходимыми для успешных выступлений. И нигде, как я уже говорил, не учат слушать.

- 3 -

Те, кто жалуется на низкий уровень подготовки по письменной речи и чтению большинства выпускников наших школ и колледжей, ошибаются, думая, что достаточно исправить эти недостатки, и все наладится. Как будто если человек научился хорошо писать и читать, он* непременно станет хорошим оратором или слушателем. Но это же не так.

Дело в том, что говорение и слушание коренным образом отличаются от письма и чтения. Именно эти различия затрудняют процесс овладения необходимыми навыками. Попробую объяснить.

На первый взгляд кажется, что говорение и слушание по сути аналогичны письму и чтению. Обе пары предусматривают такое применение языка, при котором одно сознание устанавливает контакт со вторым, а второе реагирует. Если человек умеет делать это при помощи письменного слова, отчего бы ему не сделать то же самое устно? Если человек способен воспринимать письменную речь, отчего бы ему не реагировать на том же уровне на устную?

Однако эта мысль ошибочна, а причина кроется в непостоянстве и мимолетности устной речи. К прочитанному всегда можно вернуться, перечитать снова, что-то понять лучше. Совершенствоваться в понимании текста можно бесконечно, многократно его перечитывая. Я сам не раз проделывал это, читая великие книги.

* Хочу заметить, что, употребляя слово «человек» или местоимения мужского рода «он», «ему» и т. п., я подразумеваю людей любого пола, не только мужчин. Я не всегда использую «он» и «его», «ему» вместо «он и она» или «его или ее»; мой выбор в конкретном предложении всегда обусловлен стилистическими особенностями. *Примеч. авт.*

Записав что-либо, всегда можно пересмотреть и откорректировать свои записи. Автор не обязан публиковать текст, не отшлифовав его до приемлемого уровня. С этим я также сталкивался при создании собственных книг и других текстов.

И когда мы читаем, и когда пишем, основная составляющая успеха — знать, как улучшить сделанное. Но это умение никак не поможет достичь совершенства в искусстве говорить и слушать, поскольку говорение и слушание преходящи и быстротечны, как исполнительское искусство, в отличие от чтения и письма. Последние ближе к живописи и скульптуре, в которых произведения неизменны.

Рассмотрим исполнительские искусства: театр, балет, игру на музыкальном инструменте или дирижирование оркестром. Ни одно конкретное законченное выступление улучшить нельзя. Вероятно, актер сможет сыграть лучше в следующем спектакле, но на сцене, здесь и сейчас, он должен стремиться сделать так хорошо, как только может. Когда опустится занавес, спектакль закончится — и уже ничего не исправить.

То же самое касается говорения и слушания. Нельзя улучшить уже произнесенную речь, а написанный текст — можно. В отличие от письменной речи устное выступление невозможно откорректировать. Попытка исправить ошибку часто делает высказывание еще более запутанным, чем вначале.

Разумеется, подготовленную речь можно редактировать перед выступлением, как любой письменный текст. Но спонтанную речь, экспромт — нельзя.

Можно выступить удачнее в следующий раз, но в каждой конкретной ситуации намеченного уровня необходимо достичь здесь и сейчас. Аналогично при живом общении невозможно удачнее что-либо выслушать. Слушать как можно внимательнее нужно именно сейчас, в данный момент.

У писателя есть хотя бы надежда, что читатели уделят его произведению достаточно времени, чтобы понять заложенный в него смысл, однако оратор на это рассчитывать не может. Он должен ухитриться выступить так, чтобы его поняли с первого раза. Временные интервалы

говорения и слушания совпадают — и то и другое начинается и заканчивается одновременно. С письменной речью и чтением совсем иная ситуация.

- 4 -

Пожалуй, из-за этих различий между чтением и письмом, с одной стороны, и говорением и слушанием — с другой, я не стал, закончив «Как читать книги», сразу же писать продолжение об искусстве слушания. Я отложил эту значительно более трудную задачу более чем на сорок лет. Наконец я понял, что дальше тянуть не стоит, поскольку слишком часто наблюдал почти поголовное неумение людей слушать.

Можно изложить принципы и правила качественного чтения, опустив принципы и правила написания хорошего текста. Именно так я и поступил в своей работе «Как читать книги», и это было оправдано, поскольку тогда меня главным образом заботило чтение самых лучших книг, которые, безусловно, прекрасно написаны.

Переходя от письменной речи к устной, мы сталкиваемся с иным положением дел. Письмо может существовать отдельно от чтения; собственно, именно так все и устроено в школе. Но невозможно разделить говорение и слушание, хотя бы потому, что важнейшие типы говорения и слушания относятся к разговору или беседе — а это всегда двусторонний процесс, в котором мы участвуем в обеих ролях.

Можно научиться строить непрерывную, монологическую речь. Этим навыком возможно овладеть, не умея слушать. Точно так же существует и чистое слушание. Его тоже можно освоить, не умея выступать. Но научиться вести разговор, беседу или дискуссию нельзя, не научившись говорить и слушать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Частное и общественное

- 1 -

Наше взаимодействие с сознанием Другого может быть делом частным или общественным. Точно так же мы отдыхаем либо в полном одиночестве, либо в компании.

Едва начав контакт с другим сознанием, мы сразу переходим от частного к общественному. Обособленно сознание используется в отсутствие контакта с сознанием Другого, например, когда мы познаём явления природы, изучаем институты общества, в котором живем, исследуем прошлое и строим предположения о будущем.

Разумеется, чтением и письмом можно заниматься наедине с собой. Собственно, так обычно и делают — в кабинете, за рабочим столом или в кресле. Да, когда мы пишем, то обращаемся к сознанию Других, но это не делает письменную речь общественным делом. То же самое касается чтения. Хотя мы устанавливаем связь с автором благодаря словам, которые он написал на бумаге, чтение — занятие индивидуальное.

По контрасту с письмом и чтением, которые обычно осуществляются в частном порядке, говорение и слушание всегда социальны и не могут проходить в уединении. Они построены на взаимодействии с окружающими. Обычно они подразумевают физическое присутствие других людей: говорящий говорит слушателям, присутствующим, пока он говорит; слушающий слушает говорящего, который находится рядом. Отчасти из-за этого говорение и слушание сложнее, чем письмо и чтение, и добиться максимального владения ими труднее.

Хотя говорение и слушание — всегда общественное дело, этот аспект может быть исключен или проигнорирован. Это происходит, когда взаимодействие говорящего и слушающего предполагает подавление одного из них. В таком случае мы имеем дело с непрерываемой речью и молчаливым слушанием. Это напоминает улицу с односторонним движением.

То же самое мы наблюдаем, когда кто-то выступает перед аудиторией, делает доклад перед советом директоров или комиссией, преподаватели читают лекции студентам, кандидаты на официальные посты обращаются к избирателю или когда гость произносит пристальный тост на вечеринке, на время завладевая всеобщим вниманием. Все это — разновидности одностороннего движения.

То, что сегодня публичные выступления, лекции и политические речи могут звучать непрерывно перед значительной аудиторией благодаря телевидению, меняет картину лишь в одном. Когда молчаливые слушатели непрерывной речи физически находятся рядом с говорящим, всегда есть вероятность, что односторонняя улица станет двусторонней — слушатель задаст говорящему вопросы или прокомментирует нечто, на что предполагалась реакция.

Когда слушатели сидят перед экраном телевизора, подобная ситуация невозможна.

Общественный аспект говорения и слушания реализуется, а не исключается, когда на смену непрерывной речи и молчаливому слушанию приходит беседа, дискуссия или разговор. Все три слова, которые я употребил, — «беседа», «дискуссия», «разговор» — благодаря общему значению почти взаимозаменяемы. Их объединяет то самое двустороннее движение, когда собеседники по очереди являются говорящими и слушателями.

- 2 -

Задумывая эту книгу, я собирался назвать ее «Как разговаривать и слушать». Вскоре я осознал: хотя разговор всегда включает говорение, обратное утверждение неверно. Мы говорим с другими, но когда после этого мы начинаем их слушать, то участвуем в разговоре с ними. Мы говорим что-то другим, но когда после этого сами начинаем слушать,

то втягиваемся в разговор с другими. Мы произносим: «Давай (вместе) поговорим», но никогда — «Давай (вместе) говорим»*.

Слово «разговор» иногда ошибочно употребляется как синоним к слову «речь», например: «Меня попросили поговорить с публикой» вместо «Меня попросили выступить с речью». Строго говоря, поговорить с публикой нельзя. Точнее, можно, но лишь тогда, когда вам отвечают. Однако можно выступить с речью, даже если аудитория, рядом с которой вы физически находитесь, только слушает.

Со словом «дискуссия» подобных ошибок не возникает. Оно всегда употребляется в отношении двустороннего движения — поочередного обмена репликами между говорящими и слушающими.

Единственная разница между значением слов «дискуссия» и «разговор» в том, что дискуссия — это общение на определенную и даже заданную тему, управляемое и направляемое к поставленной цели. Любая дискуссия — разговор, но не каждый разговор — дискуссия, поскольку люди часто разговаривают без конкретной цели, не направляя и не контролируя ход беседы.

Чаще всего я буду употреблять слово «разговор», поскольку оно имеет самое широкое применение и охватывает целенаправленные и контролируемые дискуссии с одной стороны спектра (включая даже официальные дебаты и диспуты) и досужую болтовню — с другой (например, беседа за коктейлем или общение, которое мы называем «перекинуться парой слов»).

«Коммуникация» — слово из жаргона социологов и специалистов по электронике, разрабатывающих сложные «коммуникативные теории». К счастью, «теорий разговора» не существует, поэтому для меня «разговор» предпочтительнее «коммуникации».

Между дикими животными происходят разнообразные коммуникации, но не разговор. В определенном смысле, когда одно живое существо посыпает сигнал другому, а другое принимает его и некоторым образом отвечает, это тоже называют коммуникацией или общением.

* В оригинале смысл высказывания автора строится на несоответствии значений английских глаголов «to speak» (говорить) и «to talk» (поговорить). *Примеч. ред.*

Однако отправка и прием сигналов — не разговор, не беседа и не дискуссия. Звери не разговаривают и не ведут дискуссий.

Размышляя о разговоре, я хотел бы подчеркнуть один аспект коммуникации или общения — понятие общности. Без общения не может быть сообщества. Люди не могут образовать общину или жить общей жизнью, не общаясь друг с другом.

Именно поэтому разговор, дискуссия или беседа — важнейшая форма говорения и слушания. Если бы общественный аспект говорения и слушания был всегда исключен, как в случае непрерываемой речи и молчаливого слушания, не возникло бы общности между ораторами и слушателями. Для создания развитого и процветающего сообщества людей необходимо реализовывать, а не исключать социальный аспект говорения и слушания.

В отдельных случаях письменная речь схожа с двусторонним движением при разговоре: при переписке между людьми, когда один отвечает на письмо, отправленное другим; при обмене мнениями, например, когда автор возражает на нелицеприятный обзор своей книги и тем самым провоцирует возражения критика.

- 3 -

Три основные части данной книги совпадают с тремя выделенными мною разновидностями говорения и слушания. Во второй части рассматривается непрерываемая речь, в третьей — молчаливое слушание, а в четвертой — разговор. Последний из этих трех видов деятельности наиболее важен и сложен.

Разговор может быть шутливым и целенаправленным, а может переключаться от одного к другому. Первый относительно несерьезен, так как обычно представляет собой праздную болтовню. Но даже в несерьезном разговоре могут рождаться интересные мысли и озарения.

Иногда разговор развивается сам собой, например на вечеринке или в гостиной, а иногда строго управляется, как на деловых переговорах, совещаниях, всевозможных конференциях, политических дебатах, научных диспутах, церковных соборах и прочих духовных собраниях, а также в редком сегодня виде обучения, подразумевающем приобщение к дискуссии.

В начале главы я писал, что проводить досуг можно в одиночестве и в компании. Когда люди готовят еду, столярничают или ухаживают за садом ради удовольствия (удовлетворения от хорошо сделанной работы), а не ради прибыли, это пример уединенного досуга. В уединении можно также писать и читать, рассматривать картины, слушать музыку, путешествовать и наблюдать, а самое главное — думать.

К общественным способам проведения свободного времени относится любое общение с друзьями, а главное — всевозможные разговоры. На мой взгляд, качественный разговор, одновременно приятный и полезный, — один из лучших способов занять себя. Он позволяет насладиться всеми благами, получаемыми от других способов проведения досуга. Именно тогда они раскрываются по-настоящему.

Поэтому людям так важно обогатить свою жизнь мастерством, необходимым для участия в качественном разговоре, а также волей и мотивацией, побуждающими значительную часть досуга общаться, а не «убивать время» на массу пустых занятий.